

МОРАЛЬ, ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО

Д.Б. Поляков

ВОССТАНИЕ СИНГУЛЯРНОСТЕЙ. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ (АНТИ)ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ В ПОСТАНАРХИЗМЕ

Поляков Дмитрий Борисович – кандидат философских наук. Забайкальский институт железнодорожного транспорта, филиал Иркутского государственного университета путей сообщения. Российская Федерация, 672040, г. Чита, ул. Магистральная, д. 11; e-mail: poldmit89@mail.ru

Статья раскрывает политико-философское ядро современной анархистской мысли на примере такой ее теоретической вариации, как постанархизм. Органично вписываясь в текущий леворадикальный дискурсивный контекст, постанархизм в то же время отражает и те микрополитические, локалистские и во многом стихийные тенденции, которые характеризуют сегодняшние формы политического протеста и сопротивления во многих странах мира. Возникнув в качестве реакции на кризис легитимности политических и экономических институтов, эти тенденции приводят к переосмыслению современной философией стандартных политических категорий: «класс», «революция», «демократия», «суверенитет», «политическое» и т.д. Постанархистская перспектива, обнаруживая отчетливо анархические черты в современных формах радикальной политики (децентрализация, сетевой характер, недоверие к официальным институциям), также предлагает свою реинтерпретацию ряда концептов с целью радикализации и обновления либертарной теории. В частности, настоящая статья фокусируется на логике разграничения понятий революции и восстания, которое проводит ведущий теоретик постанархизма С. Ньюмен, отталкиваясь от философского индивидуализма М. Штирнера, а также исходя из провозглашенного постструктурализмом кризиса метанарративов. Кроме того, в рамках общей для западной левой мысли попытки определить нового политического субъекта Ньюмен в ряде своих текстов развивает концепт сингулярности (единичности), активно используя философские изыскания некоторых континентальных мыслителей. Наконец, с точки зрения постанархизма концептуализация политического действия и субъекта этого действия посредством понятий восстания и сингулярности не только способствует уточнению и оживлению анархистского дискурса, но и сама по себе является субверсивным жестом, дестабилизирующим нормативный политический язык.

Ключевые слова: постанархизм, восстание, революция, сингулярность, идентичность, автономия, антиполитическая политика

Для цитирования: Поляков Д.Б. Восстание сингулярностей. Концептуализация (анти)политического действия в постанархизме // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 3. С. 21–34.

Что отличает последнее десятилетие, если не больше, так это буквально растущие по экспоненте вспышки протестной активности, которая пусть и не охватывает пока весь мир, но обнаруживает явную тенденцию к такому охвату. Несмотря на неоднородность этой активности, варьирующейся от крайне правых и фундаменталистских до леворадикальных манифестаций, можно сказать, что продиктована она общим разочарованием в неолиберальной политике и глобализации, приметам которых стали рост социального неравенства, иммиграционный кризис, интенсификация экологических проблем, международный терроризм и многие другие. Интересно то, что, поскольку перечисленные приметы составляют *тотальность* капиталистической мир-системы (скажем, разразившийся в США финансовый кризис 2008 г. ударной волной коснулся всего мира), реакцией на нее зачастую становится *фрагментированные* практики сопротивления, а не симметричная по структуре и охвату революционная сила. Объясняется это – по крайней мере отчасти – кризисом репрезентации в политике, т.е. недоверием к официальным представительным институтам вроде партий, профсоюзов и, в конечном счете, к государству как таковому, а также возрастающей ролью информационных технологий и, в частности, социальных сетей, которые нередко приносят в указанные практики элемент самоорганизации и горизонтального взаимодействия.

Однако установки на фрагментированное, локальное, микрополитическое сопротивление характерны сегодня скорее для леворадикального дискурса, тогда как противоположная ему правая оптика (включая либерализм) всегда апеллирует к некоей целостной универсальной идентичности – расовой, этнической, национальной или религиозной, – которая рассеивается под натиском процессов глобализации и технологизации и реконструкция которой объявляется в правом дискурсе главной целью. Левый дискурс при этом тоже весьма неоднороден и может включать в себя централистские течения, ориентированные, как правило, на классическую марксистскую традицию. И все же в калейдоскопе леворадикальных теорий и практик последних лет отчетливо выделяются именно вышеназванные установки на локализацию и децентрализацию сопротивления – установки, которые часто и небезосновательно ассоциируются с анархизмом.

В настоящее время рецепция социально-философской и политической мысли Запада отечественной наукой безусловно отличается большим охватом, чем в советскую эпоху. И все-таки, будто по инерции, часто вне поля зрения академических исследований остаются такие философские и политологические концепции, которые по актуальности и специфичности не уступают популярным, «мейнстримовым» теориям. Это тем более справедливо в отношении анархизма, что, как и в советской науке, он нередко оценивается в качестве инфантильной утопической грезы и идеологического курьеза, заслуживающего внимания лишь в исторической перспективе. И снова, словно по инерции, предпочтение отдается скорее современным вариациям марксизма, связанным с именами С. Жижека, Э. Лаклау, А. Бадью, Ж. Рансьера и других теоретиков, объединяемых термином «постмарксизм», чем анархизму – оппоненту марксистской мысли с XIX столетия. Этими соображениями вкпе с обозначенными тенденциями текущей протестной активности в мире и продиктовано обращение к современной анархистской философии, представленной таким ее направлением, как постанархизм (к слову, далеко не единственным, что объясняется фрагментарностью самого анархизма).

Разрабатываясь уже около 30 лет, постанархистский проект только в последние годы схватывается исследовательской оптикой в России. Его теоретики (Э. Кох, Т. Мэй, С. Ньюмен, Л. Колл, Р. Дэй, С. Эврен и другие) используют постструктуралистский концептуальный багаж для радикализации анархистского дискурса, выявления и критики скрытых авторитарных мотивов, блокирующих его освободительный потенциал, вроде эссенциалистских представлений о природе человека или фиксации на институте государства в ущерб другим операциям власти. Другими словами, речь идет не о выходе за рамки анархизма, но о деконструктивистской работе с ним с целью расширения его границ и переоценки ряда положений, сформулированных теоретиками-классиками, прежде всего, У. Годвином, П.-Ж. Прудоном, М.А. Бакуниным и П.А. Кропоткиным¹. Именно в качестве деконструкции предлагает рассматривать постанархизм С. Ньюмен – ключевая фигура этого направления (чем в настоящей статье и продиктовано обращение преимущественно к его текстам, которые, однако, неизбежно резонируют с работами других теоретиков).

В вопросе о власти Ньюмен, как и большинство постанархистов, отталкивается от фуколдианской идеи об отсутствии какого-либо конкретного ее источника, о дисперсности и имманентности власти социальным отношениям. «Власть повсюду, – утверждал М. Фуко, – но не потому, что она всё охватывает, но потому, что она отовсюду исходит <...> отношения власти не находятся во внешнем положении к другим типам отношений (экономическим процессам, отношениям познания, сексуальным отношениям), но имманентны им»². Этот, казалось бы, безрадостный для радикальной мысли императив оборачивается, тем не менее, тезисом о столь же дисперсном характере сопротивления, причем с подачи того же Фуко, констатировавшего, что там, где есть власть (а она повсюду), есть и сопротивление³. Так возникает и постанархистский акцент на тактическом и микрополитическом измерении радикальной политики, усиливаемый идеями и концептами Ф. Ницше, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Делёза, Ж. Бодрийера и других мыслителей. У Т. Мэя, например, мы находим разработку тактического типа политического философствования, противопоставляемого стратегической политике марксизма-ленинизма, которая всегда апеллирует к некоей центральной проблеме и фиксированному средоточию власти (в частности, к экономическому базису). Тактическая же мысль работает в контексте напряжения между множеством пересекающихся практик власти, нередуцируемых к какому-либо единому источнику⁴. Те же предпосылки вдохновляют и «постмодернистский анархизм» Л. Колла, который предлагает довольно оригинальную трактовку ницшеанской философии, вычленив из нее понятия «анархии субъекта» и «анархии становления» в качестве характеристик радикального типа мышления в эпоху постмодерна⁵.

Итак, какая же форма сопротивления власти государства и капитализма, патриархату, расизму и т.д. отвечает этим микрополитическим установкам?

¹ Подробнее о становлении постанархизма, основных текстах и идеях его теоретиков см.: Поляков Д.Б. Постанархизм. Субъект в пространстве власти. Чита, 2019.

² Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 193, 194.

³ Там же. С. 195.

⁴ См.: May T. The Political Philosophy of Poststructuralist Anarchism. Pennsylvania, 1994.

⁵ См.: Call L. Postmodern anarchism. Lanham, 2002.

Каким предстает субъект этого сопротивления? Какова его идентичность при условии, что вообще всякая идентичность в пронизанном властью социуме конституируется именно отношениями власти? Наконец, почему традиционные формы радикальной левой политики оказываются сегодня проблематичными в свете постструктуралистского анализа? Попытки ответить на эти вопросы, а значит, и попытки представить постанархизм не только как исключительно критическую теорию власти, но и как теорию альтернативного действия, как раз и предпринимаются в статьях и книгах Ньюмена.

Здесь, прежде всего, необходимо подчеркнуть ту роль, какую в политико-философских изысканиях Ньюмена играет М. Штирнер (1806–1856) – основоположник анархо-индивидуализма, который исторически стоит в одном ряду с вышеперечисленными классиками анархизма, но вместе с тем оценивается и как предтеча постструктуралистской теории или даже как первый постструктуралист⁶. Часто цитируя в своих работах главный труд Штирнера «Единственный и его собственность», Ньюмен развивает мысли немецкого философа именно в контексте вопросов о субъекте сопротивления и формах политического действия. Чтобы понять философские истоки постанархистского инсurreкционизма (или, другими словами, политики восстания), приведем следующую объемную цитату из «Единственного...», перекочевывающую у Ньюмена из текста в текст:

Нельзя рассматривать революцию и восстание как однозначные понятия. Революция заключается в разрушении порядков существующей организации или *status'a*, государства или общества, а поэтому она – *политическое* и *социальное* деяние; восстание же, хотя и ведет неотвратимо к разрушению современного строя, но исходит не из него, а из недовольства людей собою; оно – не открытое сопротивление, а восстание единичных личностей, возвышение, не считающееся с учреждениями, которые возникнут как его результат. Революция имела целью новые учреждения, восстание приводит нас к тому, чтобы мы не позволяли больше «устраивать» нас, а сами себя устраивали, и не возлагает блестящих надежд на «институты». Восстание – не борьба против настоящего, ибо если оно произойдет, настоящий строй сам погибнет; оно – высвобождение моего «я» из подавляющего меня настоящего⁷.

В этом отрывке, таким образом, заключены три значимых для постанархизма аспекта: скепсис в отношении революции или, точнее, ее последствий; утверждение своего рода экзистенциального восстания против устраиваемых институтами идентичностей; наконец, апология единичного, конкретного индивида вместо какого бы то ни было коллективного субъекта (пролетариата, народа, нации, человечества).

Указанный скепсис продиктован тем, что объявленный постмодернистами кризис метанарративов (Ж.-Ф. Лиотар) проблематизирует в числе прочего и категорию революции. Ньюмен стремится показать опасность такого ее понимания, которое подразумевает событие, предопределенное законами истории или логикой развития общественных отношений и устанавливающее некое предельное позитивное состояние социума. (Обратим внимание, что постанархистская онтология вообще апеллирует к контингентности

⁶ Koch A. Max Stirner: The Last Hegelian or the First Poststructuralist? // Anarchist Studies. 1997. No. 5. P. 95–107.

⁷ Штирнер М. Единственный и его собственность. М., 2017. С. 390–391.

бытия, т.е. его непредзаданности и нетелеологичности, чем соприкасается с таким направлением современной онтологии как спекулятивный реализм, особенно в той его вариации, которая представлена работами К. Мейясу⁸.) Отсюда – критика как классической анархистской концепции социальной революции, предполагающей высвобождение из-под власти государства некоего сущностного творческого потенциала человека, так и марксистских концепций общественно-экономических формаций, передовой партии, репрезентирующей интересы пролетариата посредством диктатуры, и тезиса о постепенном «отмирании» государства в ходе построения коммунизма. Крушение глобальных революционных нарративов, вызванное историческими прецедентами, когда революции под флагом освобождения оборачивались тоталитарным кошмаром, а также присущее постструктуралистской мысли недоверие к репрезентациям, включая политические, объясняет постанархистское стремление к артикуляции иных способов политической организации и практики. Сам концепт революции при этом не отбрасывается, но предваряется штирнеровским концептом восстания, которое, по Ньюмену, изначально ориентировано «не на буквальное уничтожение государства как политического института, а на уничтожение интернализованного *этатизма*, который этот институт увековечивает»⁹. То есть речь идет о некоей духовной трансформации самости или о революции сознания, которая направлена, прежде всего, к корням субъективности, даже психики, и лишь потом она должна обращаться вовне¹⁰. Каким же образом подобное восстание становится политической практикой, учитывая традиционный анархистский отказ от захвата власти?

Развивая тезис о контингентности социальных отношений, Ньюмен переосмысляет классическую анархистскую идею автономной, децентрализованной массовой организации, независимой ни от государственных структур, ни даже от революционных партий, программы которых, в сущности, провозглашали захват этих самых структур. Такая автономная политика (Ньюмен называет ее также «анти-политической политикой») в XXI в. реализуется подвижными неформальными группами или движениями, которые не ставят своей целью грандиозное революционное преобразование общества и не спекулируют в популистских целях на ожиданиях подобного события, о чем писал и такой теоретик повстанческого анархизма как А. Боннано. Такие группы, лишённые революционной догматики, лишь вмешиваются в конкретные ситуации сопротивления, радикализируя их и, по словам Ньюмена, мотивируя людей конструировать свою собственную свободу, восстанавливать собственное «я» и свою автономию, т.е. самостоятельность

⁸ «Абсолютная контингентность – единственное, что мы отныне будем называть “контингентностью” – означает <...> чистую *возможность*: возможность, которая, может быть, никогда не осуществится» (Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М., 2015. С. 89).

⁹ Newman S. Postanarchism today: Anarchism and political theory // *The Anarchist Imagination: Anarchism Encounters the Humanities and the Social Sciences*. L.; N.Y., 2019. P. 86.

¹⁰ Этим объясняется интерес Ньюмена к психоанализу (особенно к идеям Ж. Лакана) и проблеме добровольного рабства как психической привязанности к символической фигуре Отца, олицетворяемого сувереном. См., например: Newman S. From Bakunin to Lakan: Anti-authoritarianism and the Dislocation of Power. Lanham, 2001; *Idem*. Voluntary Servitude Reconsidered: Radical Politics and the Problem of Self-Domination // *Anarchist Developments in Cultural Studies*. 2010. No. 1. P. 31–49.

принятия решений, отчужденную до сих пор в пользу государств или партий. Восстание тем самым политически выражает онтологический анархизм, фиксирующий отсутствие оснований и *telos'a* как у государственных, так и у стандартных революционных проектов, но предполагающий при этом ту свободу, которой люди уже обладают. Иначе говоря, предполагается, что свобода – «не конечная цель восстания, а, скорее, отправная точка», «мышление и действие таким образом, как если бы власти не существовало»¹¹.

Эта «аксиома свободы» позволяет Ньюмену выстроить параллель между современными радикальными манифестациями и практиками античных киников, к которым обращался и Фуко в своих лекциях. Исследуя их способ артикулировать истину посредством скандального образа жизни, французский философ определял этот последний как «*bios philosophikos*» – «животность человеческого бытия, воспринимаемая как вызов, практикуемая как упражнение и бросаема в лицо другим как скандал»¹². Индивидуалистическая фигура философа-кинника, его эпатажная инаковость вносит разрыв в устоявшиеся границы полиса, утверждая свое автономное существование путем оспаривания предписанных нравов и ценностей. Ньюмена в данном случае интересует не столько эпатажная составляющая кинического опыта, сколько идея освоения и даже присвоения городского общественного пространства, его «оккупация».

Аналогом этого опыта в XXI в. становится протестное движение «Осциру», известное, прежде всего, акцией «Occupy Wall Street», однако не исчерпывающееся ею. «Площадь Тахрир в Каире – нечто, что сегодня приобрело в нашем воображении такую же символическую силу, как штурм Бастилии в 1789 году, – *indignados*¹³ на площади Пуэрта-дель-Соль в Мадриде, “Захвати Уолл-стрит” в парке Зукотти, захват собора Святого Павла в Лондоне, блокада доков в Окленде, штат Калифорния, а также оккупация рабочими законодательного собрания штата Висконсин. Однако эти славные по своей смелости события были лишь самыми заметными и яркими символами более широкого и скрытого движения – многочисленных оккупаций фабрик и рабочих мест в Европе, а также занятий университетов, фондовых бирж и предприятий»¹⁴.

Спонтанные лагеря протестов, осаждающие государственные институты, несанкционированные манифестации и политизированные флешмобы, – все это в постанархистской перспективе содержит подрывной потенциал, если речь не идет о делегировании кому-либо полномочий и права говорить от лица других. Контингентные и постоянно переизобретаемые практики сопротивления должны действовать по ту сторону логики власти и ее языка – в том числе и поэтому постанархизм настаивает на переосмыслении и профанации политического как такового, а также на иной политической

¹¹ Newman S. Postanarchism // The Palgrave Handbook of Anarchism. L., 2019. P. 300, 299.

¹² Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году. СПб., 2014. С. 254.

¹³ «Возмущенные» – испанское протестное движение, возникшее как реакция на режим жесткой экономики, падение уровня жизни и безработицу. В 2012 г., в годовщину возникновения движения, манифестация «Возмущенных» на указанной мадридской площади собрала около 100 тысяч человек.

¹⁴ Newman S. Occupy and Autonomous Political Life // Radical democracy and collective movements today. The Biopolitics of the multitude versus the Hegemony of the People. Farnham, 2014. P. 93–94.

терминологии («восстание» как нечто более радикальное, нежели стандартная категория «революции», схваченная этатистским дискурсом¹⁵). Как раз в этом смысле Ньюмен и говорит об «антиполитичности» постанархизма как об отказе от формальной политики и власти в ее государственно-модульсе, что вместе с тем является и *радикально политическим жестом*. «Государство следует рассматривать не просто как ряд институтов и структур власти, но как определенные авторитарные отношения, особый способ мышления и структурирования нашей жизни, а потому идея политики автономии от государства предполагает развитие альтернативных неавторитарных отношений, политических практик, способов мышления и образа жизни»¹⁶.

Радикализм здесь, очевидно, понимается не столько в смысле баррикад и столкновений, сколько в том, что политика становится по-настоящему демократической, когда разворачивается на улицах и площадях, реализуется самим демосом посредством консенсуальных практик и прямого действия. Вместе с тем, поскольку государственная власть неизбежно должна отстаивать монополизированную ею сферу политического, неизбежным становится и обоюдное насилие¹⁷ – столкновение «политики» и «полиции» (по терминологии Ж. Рансьера¹⁸), автономии и гетерономии. По всей видимости, следуя постанархистской логике, с этого момента конфронтации и может начинаться революция в привычном смысле этого слова. Ее итоги и последствия, повторим еще раз, ничем не гарантированы. И все же признание потенциального вырождения в террор, насилие и диктатуру само по себе не отменяет иных возможностей и последствий восстания или, что точнее, восстаний, понимаемых как непрерывная последовательность ситуативных практик свободы. Дискурс префигуративной политики постанархизма вытесняет «целесообразность» действия в пользу того, *как* это действие осуществляется здесь и сейчас. Понятие префигурации как раз и подразумевает, что свобода и равенство должны реализовываться в текущей политической практике, не трансцендируя в условное будущее, ради которого ими можно жертвовать в настоящем.

Ключевыми характеристиками постанархистского восстания тем самым являются индифферентность к власти²⁰ и экстериторность, т.е. мысль и действие не только против государственной власти, но и по ту сторону ее стандартизирующей логики. Как отмечал Л. Колл, «государство остается одной из господствующих политических фигур современного мира во многом потому, что этатистская мысль способна намечать такое политическое пространство, где всякое

¹⁵ Например, в отечественном официальном политическом дискурсе термины «цветная революция», «оранжевая революция» имеют, как правило, негативные оценочные коннотации, что позволяет этому дискурсу дискредитировать любое противостоящее ему революционное действие, называя его «цветным» или «оранжевым».

¹⁶ Newman S. The Politics of Postanarchism. Edinburgh, 2010. P. 169–170. В приведенном отрывке Ньюмен воспроизводит идею немецкого анархиста Густава Ландауэра о государственности как об особом типе общественных отношений, разрушить которые можно лишь конструированием других отношений.

¹⁷ Постанархистская рефлексия о насилии заслуживает отдельного рассмотрения, особенно с учетом неоднозначности в этических оценках насилия и террора у разных теоретиков как классического, так и современного анархизма.

¹⁸ Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия. СПб., 2013.

²⁰ Индифферентность означает у Ньюмена не безразличие к эффектам власти, но осознание ее как «полой сущности», не имеющей какого-либо онтологического субстрата или основания, обязывающего подчиняться ей.

мышление обращается к самому государству. Это – та ловушка, в которую попадают традиционные анархисты вроде Бакунина»²¹. Соответствующим образом переопределяется и субъект восстания: он больше не редуцируется к какой-либо идентичности (классовой, гендерной, национальной), не детерминируется и не поглощается ею, замыкаясь в ее рамках и лишаясь возможности быть чем-то отличным. Так, в современной левой теории немалую популярность имеет понятие множества, разрабатывавшееся в том числе марксистами М. Хардтом и А. Негри. В первом приближении множество действительно обнаруживает все признаки обозначенного еще Штирнером политического субъекта – спонтанной гетерогенной конвергенции единичных личностей (сингулярностей)²². По Ньюмену, «в отличие от фигуры Народа, организованной вокруг лидера и включенной в тело Левиафана, мы можем рассматривать множество как анархическое тело без головы или даже как многоголовую гидру, которая корчится, извивается и скользит по контурам и нервным центрам глобального капитализма»²³.

Проблематичен, однако, нарратив исторической неизбежности появления множества в условиях постиндустриального глобального капитализма с присущей ему гегемонией «нематериального труда», называемой Хардтом и Негри Империей. Этот нарратив, являющийся эхом приветствия, которое выказывал Маркс распространению промышленного капитализма по всему миру и сопутствующей пролетаризации масс, двусмыслен по той причине, что предполагает интенсификацию современного капитализма, а значит, и экологического коллапса, разрушения культур коренных народов, тотальной технологизации жизни и т.д., на что справедливо указывает Ньюмен. Кроме того, множества, как утверждают Хардт и Негри, «в их стремлении “быть против”, в их желании освобождения должны пройти сквозь Империю и оказаться по ту сторону»²⁴. Это *долженствование* лишний раз подчеркивает сомнительное мессианство множеств, которые в иных отношениях оказываются продуктивными для постанархизма, не считая преувеличенного акцента на «аматериальных», т.е. не физических формах современного труда²⁵.

И все же не множество, а именно сингулярность становится у Ньюмена ключевым концептом автономной (анти)политической субъективности, артикуляции которой способствуют (помимо Штирнера), с одной стороны,

²¹ Call L. Postmodern anarchism. P. 70.

²² В настоящей статье термины «единичность», «единичное» и «сингулярность» используются как синонимы так же, как это имеет место в переведенных на русский язык философских текстах разных авторов. Так, в приведенной ниже цитате из работы Дж. Агамбена речь идет о «единичном», в то же время один из недавно вышедших в России текстов Ж. Бодрийяра включает высказывание: «Сингулярность <...> не имеет ничего общего с идентичностью или различием – она имеет значение как сингулярное, незаконное [illé-gale], и точка» (Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства. М., 2019. С. 184–185). При этом и Агамбен, и Бодрийяр говорят фактически об одном и том же, и вместе дают толчок для теоретизации политического субъекта в постанархизме.

²³ Newman S. Occupy and Autonomous Political Life. P. 104.

²⁴ Хард М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 206.

²⁵ «Среди различных участников производства, действующих сегодня, аматериальная рабочая сила (трудящиеся, вовлеченные в коммуникацию, кооперацию, в производство и воспроизводство аффектов) постепенно занимает центральное положение как в системе капиталистического производства, так и в составе пролетариата» (там же. С. 63).

Дж. Агамбен и его понятие «любого единичного»²⁶, с другой – Ж.-Л. Нанси с идеями о «бытии единичного множественного» и «невоспроизводимом сообществе»²⁷. Эти последние наряду с туманным штирнеровским упоминанием о «союзе эгоистов» призваны подчеркнуть: концепция сингулярности не подразумевает ни примитивного индивидуализма, ни атомизации сопротивления. Напротив, автономия от государства и капитализма мыслится лишь в отношениях с другими, в открытости к практикам взаимодействия с ними – в «расточительном подходе к свободе», которая есть «щедрый избыток, простираемый за границы индивидуального интереса»²⁸. Опираясь на Э. Левинаса, Ньюмен выстраивает постанархистскую этику Другого, по сути, развивая тезис Бакунина о том, что свобода возможна лишь при взаимной с другими людьми рефлексии и связи («ибо свобода каждого индивида есть не что иное, как отражение его человечности или его человеческого права в сознании всех свободных людей»²⁹).

Политизация же самозамкнутой партикулярной (персональной или групповой) идентичности, от имени которой выстраивают свою риторику те или иные партии, движения и отдельные политики, оказывается потенциально заряженной авторитаризмом и фундаментализмом, идет ли речь о националистической и популистской риторике или о дискурсе дискриминации меньшинств³⁰. В последнем случае политика идентичности, пусть и вдохновляемая стремлением к справедливости, не только выхолащивается в мстительную озлобленность (*ressentiment*) или болезненное упоение собственной виктимностью, но и попросту вписывается в этатистскую логику репрезентации и демагогических манипуляций, позволяя устанавливать еще больший контроль над теми идентичностями, от лица которых формулируются требования.

Сингулярности, напротив, исходят из *непредставимости* и *нефиксируемости*, являя собой «гибридные субъективности», которые не могут быть репрезентированы каким-либо четким и когерентным образом, к чему отсылает жест анонимности, символизируемый ношением масок во время протестов. «Это бунт против идентификации – не только в смысле идентификации и наблюдения со стороны государства, но и в смысле социально и дискурсивно определяемых идентичностей, predeterminedных способов поведения и действий, которые существуют для того, чтобы направить наши желания в представительные структуры государства, в коммодифицированные и регулируемые общественные отношения»³¹. Единичное при этом не поглощается и не растворяется во множестве, поскольку по-настоящему демократическое политическое действие имеет место только тогда,

²⁶ «Единичное как любое единичное, – стремящееся присвоить себе саму принадлежность, собственное бытие в языке и потому отвергающее любую идентичность и любые условия принадлежности – главный враг государства» (Агамбен Дж. Грядущее сообщество. М., 2008. С. 80).

²⁷ Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Мн., 2004.

²⁸ Newman S. The Politics of Postanarchism. P. 55.

²⁹ Бакунин М.А. Бог и государство (2) // Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987. С. 500.

³⁰ Что, однако, не отменяет значимости политики идентичности в странах с авторитарными или теократическими режимами, преследующими или ущемляющими права людей на основании некой «инаковости».

³¹ Newman S. Postanarchism today: Anarchism and political theory. P. 85.

когда утверждается каждой такой единичностью. А с учетом проблематичности категории *демоса* или Народа (как было обозначено, выстраиваемой вокруг фигуры представителя – суверена или государства) становится понятным постанархистский акцент на автономном, нежели на демократическом характере радикальной политики.

Этим же объясняется и предпочтение, отдаваемое концепту восстания, поскольку революция, которая сопровождается в традиционном левом дискурсе эпитетами «народной» или «социальной», имплицитно отсылает к некоему гомогенному, универсальному телу Народа или Общества, наделенному теми или иными фиксированными характеристиками. Вдохновленный постструктурализмом отказ от подобных тотализирующих, а значит, потенциально ведущих к тоталитаризму, категорий и приводит постанархизм к реформулировкам политического действия. Не Народ, но сингулярности (или множества сингулярностей); не Общество как целое, но локальные сообщества; наконец, не Революция как предельное событие, но восстания – серия альтернативных (неокинических) практик свободы и автономии, побед и поражений в столкновениях с всевозможными формами господства. Если попытаться лаконично сформулировать дефиницию рассмотренной постанархистской концепции, то *восстание сингулярностей – это ничего не гарантирующий, отбрасывающий всякую политическую прагматику праксис актуализации уже имеющейся у каждого человека свободы.*

Этот праксис, философски теоретизированный Ньюменом, действительно обнаруживается в тех тенденциях современного протеста, что были обозначены в начале статьи. Российский исследователь Д.А. Давыдов объединяет их термином «анархо-локализм» и относит начало их «натиска» к левому дискурсу середины XX в. Отстаивая централистский принцип, он справедливо указывает, что различные децентрализованные, близкие анархизму движения «так и остались локальными “вспышками” (если не сказать “пшиками”), в то время как глобальная капиталистическая система продолжала свое развитие»³². Действительно, в этом смысле движение «Оссиру», как и возникшее раньше него на рубеже веков глобальное антикапиталистическое движение (называемое также «антиглобализмом»), не добились серьезных социально-экономических преобразований. Однако в критике этих движений заложено все то же требование целесообразности и тот же политический прагматизм, который, здесь мы согласимся с Ньюменом, не был движущей силой активизма: «Рассматривать их просто как протесты и, таким образом, сетовать, подобно некоторым, на отсутствие конкретных политических программ – значит в корне неправильно их понимать; что было важным, так это акт занятия и освоения пространств, а также горизонтальная организация отношений внутри этих пространств»³³. Тот же посыл можно обнаружить у Н. Кляйн, когда она описывает модель организации протестов 1999 г. в Сиэтле: «на корпоративную концентрацию она отвечает собственной фрагментацией, на глобализацию – своим особым родом локализации, на консолидацию власти – радикальным ее рассредоточением»³⁴.

³² Давыдов Д.А. Личность и государство в терниях посткапитализма: На пути к новой антагонистической формации. М., 2020. С. 35.

³³ Newman S. Postanarchism today: Anarchism and political theory. P. 88.

³⁴ Кляйн Н. Заборы и окна: Хроники антиглобализационного движения. М., 2005. С. 51.

Другими словами, опыт этих и других сетевых децентрализованных движений ценен именно как опыт альтернативных форм взаимодействия и мобилизации людей вне какого-либо представительства или преобладания партикулярных интересов. Проблемы в сфере труда, констатирует Ньюмен, все чаще переплетаются с экологическими проблемами, экспансией технологий, возрастающим киберконтролем, растворением жизни в потребительской культуре, шовинизмом, расизмом и т.д. «Вероятно, мы можем рассматривать “анти-капитализм” как своего рода “пустое означающее”, которое, по терминологии Лаклау, “стягивает” вместе целую серию различных видов борьбы и субъективностей»³⁵. Постанархизм расценивает это расширение пространства борьбы как интенсивную политизацию повседневной жизни, идущей на смену отчуждающей политике формальных демократий и их представительных структур. В этом, судя по всему, и заключается смысл парадокса антиполитической политики, сопровождающего анархистскую мысль с XIX в. и усиливаемого постанархистской теорией, которая, напомним, не преодолевает, но деконструирует анархизм как таковой. То есть работает как чисто теоретический, философский инструмент, а потому и не претендует на директивность³⁶. По этой же причине едва ли стоит удивляться романтическому и утопическому пафосу, который сопутствует рассуждениям о восстании, единичности и свободе. Тем, кажется, и привлекателен анархизм как таковой, что активизирует политическое воображение, а его утопическое измерение создает порыв не к туманному будущему, но к переосмыслению опыта собственной жизни здесь и сейчас, к критической рефлексии относительно явных и скрытых недостатков существующих институтов, их реальных, а не декларируемых оснований. С этого, по логике всего вышесказанного, и начинается восстание.

Таким образом, постанархизм вполне органично вписывается в общий контекст современной политической философии, занимая в ней при этом свое оригинальное место. С одной стороны, он концентрирует или «стягивает» к себе анархические установки, которые прослеживаются в теориях тех или иных континентальных мыслителей. С другой стороны, развивает на этой основе собственно анархистскую философию, привнося в нее новые (или переосмысленные «старые») категории, по-своему концептуализируя текущую политическую реальность. Точнее, тот ее аспект, который так или иначе резонирует с антиавторитарными и антикапиталистическими ценностями.

Список литературы

- Агамбен Дж. Грядущее сообщество / Пер. с ит. Д. Новикова. М.: Три квадрата, 2008. 144 с.
Бакунин М.А. Бог и государство (2) // Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 494–521.
Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства. М.: РИПОЛ классик; Пангloss, 2019. 347 с.

³⁵ Newman S. Occupy and Autonomous Political Life. P. 96.

³⁶ «Постанархизм – не определенная форма политики; никакой конкретной программы или директив он не предлагает <...> не означает он и нечто “после анархизма”. Напротив, постанархизм – это проект радикализации и обновления политики анархизма, осмысления анархизма в качестве политики» (Newman S. The Politics of Postanarchism. P. 4–5).

- Давыдов Д.А. Личность и государство в терниях посткапитализма: На пути к новой антагонистической формации. М.: ЛЕНАНД, 2020. 218 с.
- Кляйн Н. Заборы и окна: Хроники антиглобализационного движения / Пер. с англ. А. Дорман. М.: Добрая книга, 2005. 304 с.
- Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / Пер. с фр. Л. Медведевой. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
- Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / Пер. с фр. В.В. Фурс под ред. Т.В. Щитцовой. Мн.: Логвинов, 2004. 272 с.
- Поляков Д.Б. Постанархизм. Субъект в пространстве власти. Чита: ЗАБИЖТ, 2019. 196 с.
- Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия / Пер. с фр. В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2013. 192 с.
- Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с фр. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. 448 с.
- Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году / Пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб.: Наука, 2014. 358 с.
- Хардт М., Негра А. Империя / Пер. с англ. под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. 440 с.
- Штирнер М. Единственный и его собственность / Пер. с нем. М.Л. Гохшиллер, Б.В. Гиммельфарб. М.: РИПОЛ классик, 2017. 464 с.
- Call L. Postmodern anarchism. Lanham (MD): Lexington Books, 2002. 159 p.
- Koch A.M. Max Stirner: The Last Hegelian or the First Poststructuralist? // *Anarchist Studies*. 1997. No. 5. P. 95–107.
- May T. The Political Philosophy of Poststructuralist Anarchism. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1994. 165 p.
- Newman S. From Bakunin to Lakan: Anti-authoritarianism and the Dislocation of Power. Maryland (MD): Lexington Books, 2001. 197 p.
- Newman S. Postanarchism // *The Palgrave Handbook of Anarchism* / Ed. by C. Levy, M.S. Adams. L.: Palgrave Macmillan, 2019. P. 293–303.
- Newman S. Postanarchism. Cambridge: Polity Press, 2016. 180 p.
- Newman S. Voluntary Servitude Reconsidered: Radical Politics and the Problem of Self-Domination // *Anarchist Developments in Cultural Studies*. 2010. No. 1. P. 31–49.
- Newman S. Occupy and Autonomous Political Life // *Radical democracy and collective movements today. The Biopolitics of the multitude versus the Hegemony of the People* / Ed. by A. Kioupkiolis, G. Katsambekis. Farnham: Ashgate, 2014. P. 93–109.
- Newman S. Postanarchism today: Anarchism and political theory // *The Anarchist Imagination: Anarchism Encounters the Humanities and the Social Sciences* / Ed. by C. Levy, S. Newman. L.; N.Y.: Routledge, 2019. P. 81–94.
- Newman S. The Politics of Postanarchism. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. 200 p.

Insurrection of singularities. A conceptualization of (anti)political action in postanarchism

Dmitry B. Polyakov

Transbaikal Institute of Railway Transport, Branch of the Irkutsk State University of Ways of Communication. 11 Magistralnaya Str., Chita, 672040, Russian Federation; e-mail: poldmit89@mail.ru

The article reveals the political and philosophical core of contemporary anarchist thought using the example of such its theoretical variation as postanarchism. Seamlessly engaging into the current left-wing radical discursive context, postanarchism at the same time reflects the micro-political, localist and largely spontaneous tendencies that characterize today's forms of political protest and resistance in many countries of the world. Having arisen as a reaction to the crisis of legitimacy of political and economic institutions, these tendencies lead to a rethinking of standard political categories by modern philosophy: "class",

“revolution”, “democracy”, “sovereignty”, “political”, etc. The postanarchist perspective, revealing distinctly anarchic features in current forms of radical politics (decentralization, network character, distrust of official institutions), also offers its own reinterpretation of a series of concepts on purpose of radicalizing and updating libertarian theory. In particular, this article focuses on the logic of differentiating the concepts of revolution and insurrection, which is carried out by the leading theorist of postanarchism S. Newman, who starts from the philosophical individualism of M. Stirner and also proceeds from the crisis of metanarratives proclaimed by the postmodern. Furthermore, within the framework of an attempt to define a new political subject, that is common to Western left thought, Newman develops the concept of singularity in a number of his texts, actively using the philosophical studies of some continental thinkers. Finally, in terms of postanarchism, the conceptualization of political action and the subject of this action through the concepts of rebellion and singularity not only contributes to the clarification and revitalization of anarchist discourse but is itself a subversive gesture that destabilizes the normative political language.

Keywords: postanarchism, insurrection, revolution, singularity, identity, autonomy, anti-political politics

For citation: Polyakov, D.B. “Vosstanie singulyarnosti. Kontseptualizatsiya (anti)politicheskogo deistviya v postanarkhizme” [Insurrection of singularities. A conceptualization of (anti)political action in postanarchism], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2021, Vol. 14, No. 3, pp. 21–34. (In Russian)

References

- Agamben, G. *Gryadushchee soobshchestvo* [The Coming Community], trans. by D. Novikov. Moscow: Tri kvadrata Publ., 2008. 144 pp. (In Russian)
- Bakunin, M.A. “Bog i gosudarstvo (2)” [God and the State (2)], in: M.A. Bakunin, *Izbrannye filosofskie sochineniya i pis'ma* [Selected Philosophical Writings and Letters]. Moscow: Mysl' Publ., 1987, pp. 494–521. (In Russian)
- Baudrillard, J. *Sovershennoe prestuplenie. Zagovor iskusstva* [The Perfect Crime. The Conspiracy of Art]. Moscow: Company group RIPOL klassik Publ.; Pangloss Publ., 2019. 347 pp. (In Russian)
- Call, L. *Postmodern anarchism*. Lanham, MD: Lexington Books, 2002. 159 pp.
- Davydov, D.A. *Lichnost' i gosudarstvo v terniyah postkapitalizma: Na puti k novoj antagonistskoy formacii* [Personality and State in the Thorns of Post-Capitalism: Towards a New Antagonistic Formation]. Moscow: LENAND Publ., 2020. 218 pp. (In Russian)
- Foucault, M. *Muzhestvo istiny. Upravlenie soboj i drugimi II. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1983–1984 uchebnom godu* [The Courage of Truth (The Government of Self and Others II): Lectures at the Collège de France, 1983–1984], trans. by A.V. Dyakov. St. Petersburg: Nauka Publ., 2014. 358 pp. (In Russian)
- Foucault, M. *Volya k istine: Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of different years], trans. by S. Tabachnikova. Moscow: Kastal' Publ., 1996. 448 pp. (In Russian)
- Hardt, M. & Negri, A. *Imperiya* [Empire], ed. by G.V. Kamenskaya and M.S. Fetisov. Moscow: Praxis Publ., 2004. 440 pp. (In Russian)
- Klein, N. *Zabory i okna: Hroniki antiglobalizacionnogo dvizheniya* [Fences and windows Dispatches from the Front Lines of the Globalization Debate], trans. by A. Dorman. Moscow: Dobraya kniga Publ., 2005. 304 pp. (In Russian)
- Koch, A.M. “Max Stirner: The Last Hegelian or the First Poststructuralist?”, *Anarchist Studies*, 1997, No. 5, pp. 95–107.
- May, T. *The Political Philosophy of Poststructuralist Anarchism*. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1994. 165 pp.
- Meillassoux, Q. *Posle konechnosti: Esse o neobhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay on The Necessity of Contingency], trans. by L. Medvedeva. Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyj uchenyj Publ., 2015. 196 pp. (In Russian)

- Nancy, J.-L. *Bytie edinichnoe mnozhestvennoe* [Being Singular Plural], trans. by V. Furs. Minsk: Logvinov Publ., 2004. 272 pp. (In Russian)
- Newman, S. *From Bakunin to Lakan: Anti-authoritarianism and the Dislocation of Power*. Lanham, MD: Lexington Books, 2001. 197 pp.
- Newman, S. "Postanarchism", *The Palgrave Handbook of Anarchism*, ed. by C. Levy, M.S. Adams. London: Palgrave Macmillan, 2019, pp. 293–303.
- Newman, S. *Postanarchism*. Cambridge: Polity Press, 2016. 180 pp.
- Newman, S. "Voluntary Servitude Reconsidered: Radical Politics and the Problem of Self-Domination", *Anarchist Developments in Cultural Studies*, 2010, No. 1, pp. 31–49.
- Newman, S. "Occupy and Autonomous Political Life", *Radical democracy and collective movements today. The Biopolitics of the multitude versus the Hegemony of the People*, ed. by A. Kioupiolis and G. Katsambekis. Farnham: Ashgate, 2014, pp. 93–109.
- Newman, S. "Postanarchism today: Anarchism and political theory", *The Anarchist Imagination: Anarchism Encounters the Humanities and the Social Sciences*, ed. by C. Levy, S. Newman. London; New York: Routledge, 2019, pp. 81–94.
- Newman, S. *The Politics of Postanarchism*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. 200 pp.
- Polyakov, D.B. *Postanarhizm. Sub"ekt v prostranstve vlasti* [Postanarchism. Subject in the Space of Power]. Chita: ZabIZHT Publ., 2019. 196 pp. (In Russian)
- Rancière, J. *Nesoglasie: Politika i filosofiya* [Disagreement: Politics and Philosophy], trans. by V.E. Lapickii. St. Petersburg: Machina Publ., 2013. 192 pp. (In Russian)
- Stirner, M. *Edinstvennyi i ego sobstvennost'* [The Ego and Its Own], trans. by M.L. Gokshiller and B.V. Gimmelfarb. Moscow: RIPOL klassik Publ., 2017. 464 pp. (In Russian)